

ЯЗЫК И ДАТИРОВКА ФИРЛЕЕВСКОГО СПИСКА ПЕРВОГО ЛИТОВСКОГО СТАТУТА

А. БУЛЫКА, В. РАУДЕЛЮНАС

Первый (1529 г.) Литовский Статут издавна привлекает внимание широкого круга исследователей. Этот повышенный интерес к Статуту вызван той огромной общественно-политической ролью, которую суждено было ему сыграть в жизни народов Великого Княжества Литовского. Ведь Статут — это первый общегосударственный кодекс, получивший юридическую силу на литовских, белорусских и украинских землях. В Статуте были кодифицированы юридические нормы всех важнейших отраслей права — государственного, уголовного, гражданского, судебного, военного и др., которыми регламентировались основные сферы государственной и частной жизни.

Однако изучение Статута осложнено тем, что он, несмотря на великокняжеское распоряжение, в период своего действия (1529—1564 гг.) не был напечатан и обращался лишь в рукописных списках. Большинство его списков, в том числе и подлинник, до нас не дошло, а сохранившиеся имеют существенные текстовые различия. В настоящее время нам известно 11 списков Первого Статута, 4 из которых писаны на старобелорусском языке, 3 — на польском и 4 — на латинском языке. Следует отметить, что 3 списка из последней группы поныне еще не введены в научный оборот.

Фирлеевский список до второй мировой войны хранился в библиотеке им. Осолинских во Львове. Во время немецкой оккупации список вместе с другими наиболее ценными рукописями львовских библиотек был вывезен немцами, и долгое время его судьба была неизвестна. Оказалось, что список после долгих скитаний очутился в Польской национальной библиотеке в Варшаве (шифр — Waw. 952), где в начале 1971 г. удалось одному из авторов данной работы (В. Рауделюнасу) первому из послевоенных исследователей осмотреть его *de visu*. Полученные данные позволяют не только провести научное описание Фирлеевского списка, но и высказать несколько соображений о его происхождении, исправности текста, языковых и палеографических особенностях, отношении к подлиннику и по другим вопросам.

Фирлеевский список имеет уже немалую историографию. В научной литературе этот список известен давно — еще в 1823 г. он был описан профессором Вильнюсского университета И. Даниловичем вместе с другими рукописями всех трех Литовских Статутов и печатными изданиями Третье-

го Статута¹. Автор дал краткое описание списка, отметил большую исправность текста и высказал предположение, что он написан вскоре после принятия Первого Статута. Так как список когда-то принадлежал роду Фирлеев, то И. Данилович и назвал его Фирлеевским².

Тот же И. Данилович, при участии И. Лелевеля, подготовил первую публикацию текста Статута, в которой были даны разночтения и по Фирлеевскому списку³. Из этого издания черпали о нем сведения все позднейшие исследователи и издатели, так как никто из них непосредственно к самому списку не обращался. В конце XIX в. И. Шараневич, не зная работы И. Даниловича и публикаций Первого Статута⁴, „открыл“ Фирлеевский список вторично, сообщив, что в научной литературе он неизвестен и неиспользован⁵. Много ценных наблюдений о тексте рассматриваемого списка и его отношении к другим спискам Первого Статута содержатся в работах М. Бернштейна⁶ и С. Борисенко⁷. В последние годы Фирлеевский список стал объектом изучения и литовских исследователей⁸.

Фирлеевский список представляет рукописную книгу формата в четверть (20,8 × 15,8 см.), писанную на 266 страницах. Переплет – доски, обтянутые гладкой коричневой кожей с остатками металлических застежек. Кожа переплета весьма изношена, а места совсем не сохранилась. Пагинация новая, проставлена коричневыми чернилами вверху, с обозначением арабскими цифрами лишь нечетных страниц. Рукопись состоит из 17 тетрадей, нумерованных внизу кириллицей и имевших когда-то по 8 листов в каждой.

Исследуемая рукопись писана тремя писцами и, как можно судить по особенностям письма, в различное время. Наименьшая часть текста написана ретым писцом. Он затранскрибировал польскими буквами всего 5 началь-

¹ I. Daniłowicz z. Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy Statutu Litewskiego. „Dziennik Wileński“, 1823, T. 1, s. 377–398; T. 2, s. 1–18, 162–177, 261–293.

² Там же, с. 392–393.

³ Zbiór praw Litewskich od r. 1389 do r. 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach, Poznań, 1841.

⁴ Вторично Статут был издан в 1854 г. См. Временник имп. Московского общества истории и древностей российских, кн. 18.

⁵ I. Szaraniewicz, Muzeum Instytutu Staupigijiskiego we Lwowie. – Teka konserwatorska (Lwów), 1892, s. 55.

⁶ M. Bernstein. Poprawa I Statutu Litewskiego, 1531–1538 r. – Czasopismo prawnicze i ekonomiczne, XV, Kraków, 1915, s. 124–182.

С. Борисенко. Списки Литовського Статуту 1529 р. – Праці Комісії для вивчення історії західно-руського та українського права, вип. VI, Київ, 1929, с. 35–109.

⁸ V. Rau deliūnas. Atrasti seniausieji Pirmojo Lietuvos Statuto tekstai. – „Gimtasis kraštas“, 1970, gruodžio 10 d. S. Lauztkā. I Lietuvos Statuto Firlėjaus nuorašas. – Bibliotekų darbas 1972, Nr. 10, p. 31–36.

ных страниц текста и свою работу прекратил, о чем свидетельствуют идущие вслед 3 незаписанные страницы. Не подлежит сомнению, что эти 4 начальных листа представляют в рукописи более позднюю вставку. На это указывает как письмо, так и бумага этих листов. Бумага содержит водяной знак герб Быховца, который соответствует в атласе Э. Лауцявичюса⁹ водяным знакам типа 1069 – 1070, датируемым 1715 г.

Всего лишь несколько страниц (стр. 9–14) написано и вторым писцом. Хронологически эта часть является очень близкой к основной части рукописи. Но она сохранилась неполностью, о чем свидетельствует дефектный реестр: он содержит лишь 3 раздела 13, причем раздел III не имеет начала и идет после раздела IV. Скоропись писца растянутая, буквы отличаются тонким и острым начертанием с характерным загибом хвоста буквы „з“ влево.

Вся основная часть рукописи, начинающаяся на с. 15 и охватывающая текст Статута с предшествующим ему реестром, писана одним, нами названным первым писцом. Текст писан коричневыми чернилами с применением киновари. Киноварь употреблена для написания заглавий разделов и артикулов (статей), инициальных букв и нумерации артикулов. Последняя дана кириллицей на полях рукописи. В конце каждого раздела текста писцом были оставлены по одной или по две незаписанные страницы, видимо, для дописывания новых артикулов. Позже эти листы ввиду высоких цен на бумагу, владельцами рукописи частично (см. с. 181, 233, 245) или полностью (после с. 106, 126, 158 и др.) вырезались или заполнялись различного рода владельческими записями.

Упомянутые владельческие записи имеют определенное значение для истории самой рукописи. Судя по ним, одним из первых владельцев рукописи, видимо, был Евким Василевич, сделавший запись („Книга права писаного Евкима Василевича“) на с. 264. Еще два владельца оставили свои имена при пробе пера: это Афаносович Дубецкий (с. 214) и Давид Дохторович (с. 21). Однако при отсутствии каталога собственных имен, употребившихся в Великом Княжестве Литовском в XV–XVII вв., эти данные говорят немного.

Содержание других записей дает основание предполагать, что рукопись уже в XVII в. обращалась на Украине и принадлежала духовенству или близко к ним стоящим лицам. К такому предположению склоняют записи, сделанные на с. 214 („3 митрополитом“), 200 („3 митрополитом Киевским“), 266 („3 митрополитом Киевским и Галицким“) и др. О том, что рукопись исследовал И. Данилович, можно судить не только по опубликованному им ее описанию (см. сноску № 1), но и по его собственноручным примечаниям на с. 200 и 252 о недостающих листах.

⁹ E. Laucevičius. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a., V., 1967.

Исследуемая рукопись когда-то сильно пострадала, о чем свидетельствуют загрязнение, перестановка и отсутствие некоторых листов. Весьма изношенная с. 15 с выцветшим текстом позволяет предполагать, что длительное время она была начальной страницей. В реестре после с. 26 и 32 вырвано по одному листу с артикулами 13–24 (?) раздела VI и всеми артикулами раздела X. Сам текст Статута обрывается дважды: после с. 200 и 252 вырваны листы с последними артикулами (18–19?) раздела VIII и артикулами 8–11 раздела XIII. Рукопись скорее всего пострадала в первые столетия своего обращения, так как в XVIII в. она была реставрирована, а несколько позже и пагинирована. Однако новая пагинация утраченных листов уже не охватывала.

Статут написан типичной старобелорусской скорописью второй четверти XVI в. По характеру письма и по начертанию отдельных букв он не отличается резко от других юридических документов, созданных в это время в центральных и местных урядах Великого Княжества Литовского. В этом отношении Статут занимает промежуточное положение между такими крупнейшими деловыми памятниками первой половины XVI в., как Книга маршалковского суда 1510–1517 гг.¹⁰, где буквы пишутся еще размашисто и вытянуты по горизонтали, и Книгой Витебского замкового суда 1533–1540 гг.¹¹, характеризующейся уже более четким, стройным и сжатым почерком. Здесь еще отсутствуют связующие элементы между буквами в словах, сравнительно небольшое количество выносных букв, но уже нет надстрочных знаков, так характерных для старобелорусской скорописи начала XVI в.

Как и вообще в ранней старобелорусской письменности, в списке распространено написание сокращенных слов под титлом и практикуется употребление титлообразного покрытия над выносными буквами. Вынос букв подчиняется строгим закономерностям, выработанным в письменной практике предыдущего периода развития белорусской письменности. Так, в середине слов обычно выносятся первая буква из группы согласных: *бо^рть* 205¹², *бы^рло* 240, 261, *голо^рщина* 226, *до^рзь* 217, *жо^рка* 233, *за^ртава* 221, *зда^рна* 232, *квва^рть* 236, 240, *па^рцыр^ь* 65 и т.д. В конце слов над строкой пишутся как отдельные согласные (*высту^р* 228, *даро^р* 261, 262, *дово^р* 238, 251, *жалоб^н* 216, *испа^ш* 236, *млы^н* 209, *мужи^к* 230, *па^н* 239, 249, 259), так и сочетания

¹⁰ Рукопись хранится в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов, ф. 389, кн. 221

¹¹ Там же, ф. 389, кн. 228.

¹² Здесь и далее цифра, поставленная рядом с примером, обозначает страницу подлинника изучаемого списка.

ст, нт. В последних буква *т*, благодаря своей своеобразной форме, близкой к арабской цифре 7, одновременно служит титлообразным покрытием и для предыдущей согласной: *жикгимо*^{н7} 40, *ше*^{т7} 262. При выносе последней согласной в прилагательных, порядковых числительных и неличных местоимениях родительного падежа единственного числа следующая за ней гласная *о* отбрасывается: *добро*^о 221, *друго*^о 229, *зло*^о 43, *ино*^о 229, *которо*^о 253, 257, *панско*^о 235, *старо*^о 135, *таково*^о 250. Распространен также характерный для белорусской письменности прием сокращения слов путем выноса согласной буквы перед группой „ь+гласный звук“, что особенно практикуется при написании отглагольных существительных. При этом *ь* пропускается: *в молча*^и 54, *выда*^е 42, *ку бра*^ю 218, *по покона*^и 42, *по сказа*^и 139, *по то*^о *обосла*^и 223. При написании же над строкой суффиксов инфинитивов гласные сохраняются (*би*^{ти} 247, *вини*^{ти} 42, *граби*^{ти} 236, *дава*^{ти} 47, *записыва*^{ти} 121, *плати*^{ти} 248, 251, 254, *проси*^{ти} 250, *стави*^{ти} 256, *толта*^{ти} 78), что в белорусских письменных памятниках более позднего периода встречается очень редко.

Из особенностей списка, не отмечавшихся ранее в научной литературе, обращает на себя внимание написание согласных над строкой в положении после *а* перед конечным *у*: *пра*^у 218, *па*^у 243, *ста*^у 194, *ста*^у 236. Этот прием позднее начал использоваться также в других письменных памятниках, например, в „Псалтыри XVI в. (рукопись Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, № 335) и во Втором Литовском Статуте (рукопись Государственной библиотеки СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. II. 34).

Как и другие памятники белорусской деловой письменности древнего периода, рассматриваемый список Статута характеризуется некоторыми особенностями графической системы. Здесь, в отличие от письменных источников религиозных и светских жанров, совсем не употребляются в звуковом значении буквы *ѝ*, *ѡ*, *ѣ*, *ѥ*, *ѧ*. Эти графические средства встречаются иногда на полях лишь в числовой функции для нумерации и статей. Звук *ф* обозначается графемой *ѳ*. Для передачи взрывного звука *g* в словах иноязычного происхождения используется диграф *кг*: *жикгимо*^{н7} 40, *кгва*^{ть} 236, *кгды* 105.

В использовании гласных букв в Статуте хотя в основном и выдерживается прежняя закономерность, однако уже нередки и отступления от традиции. Буква *о* например, употреблявшаяся в более ранних памятниках исключительно в начале слов, здесь наряду с этим иногда используется параллельно с буквой *о* для обозначения звука *о* в середине слов, ср.: *о*^{см} 225, *о*^{правити} 62, *о*^{садити} 67, *но* *го*^{ло} 231, *мо*^ч 221, *но*^дле 68, *то*^м 50.

Из букв *я* и *ь* первая употребляется преимущественно после мягких согласных в середине и конце слов (*знама* 208, *кляча* 236, *навазати* 88, *пороса* 240), а вторая передает сочетание *ј* с гласным *а* в начале слов и после гласных (*стоѣти* 77, *третья часть* 53, 96), однако наблюдаются и случаи смешения этих букв: *король* 40, *ьгнь* 240, *якобы* 41, *чия* 195. Из графических средств, предназначенных для обозначения звука *е*, буква *є* строго сохраняет свою позицию в начале слов и после гласных (*єхати* 68, *єсли бы* 72, 231, *именье* 55, 215), в то время как *е*, кроме своего употребления после согласных, иногда используется и вместо *є*: *ехати* 77, *єсли бы* 84, *чие гнездо* 210, *чужое село* 208. Употребляется в списке и буква *ѣ*. Частое смешение ее с *е* указывает на то, что она обозначает также звук *е*: *собѣ* 41 — *собе* 43, *мѣти* 68 — *мети* 95, *дѣти* 95, 98 — *дети* 94, 98, *дѣвка* 102 — *девка* 103. Эта черта вообще отличает белорусские памятники от украинских, где *ѣ* обычно смешивается с *и*.

Буквы *ѳ*, *ѳ* обозначают звук *у* после твердых согласных, причем первая встречается во всех положениях в слове, а вторая в начале слова почти не употребляется: *рѣбль* 225, *слѣжити* 64, *тѣю ѳткѣ* 243, *на року* 219, *три мужы* 251.

В памятнике нарушена прежняя закономерность использования букв *ѳ* и *ѣ*. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти знаки смешиваются, причем в конце слов часто вместо *ѳ* выступает графема *ѣ* (*доводѣ* 200, *кѣваль* 78, *листь* 89, 217, *постѣ* 135, *сынѣ* 100), а на месте *ѣ* иногда встречается *ѳ* (*часть* 99). Эта орфографическая черта была характерна и для некоторых других старобелорусских деловых памятников, написанных в северной части белорусской территории¹³, что может служить дополнительным критерием при определении места возникновения памятника.

В Статуте нормой является отражение этимологической мягкости шипящих и *ц*: *жито* 195, *маючи* 40, *доплативши* 215, *лужити* 64, *ропускаючи* 73, *по матце* 170. Вместе с тем здесь встречаются написания, свидетельствующие об отвердении этих согласных в белорусском языке: *грабежы* 173, *по два грошы* 52, *шляхтичы* 165, *почальшы* 169, 170б, *немоцы* 70, *панцырѣ* 65. Эта орфографическая черта, между прочим, как раз пробивала себе дорогу в белорусский литературно-письменный язык первой половины XVI в. и примерно к середине XVI в. приобрела здесь значение факультативной нормы.

В списке намечается также тенденция к замене буквы *я* в безударном положении графемой *є*: *навазати* 207, 227, 230, *пѣтнадца*¹⁴ 228, *по пѣна*¹⁵.

¹³ См.: А. М. Бу
Мінск, 1970, с. 40.

Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай

цати 214. Эту черту можно квалифицировать как косвенное отражение диссимлятивного яканья, и, следовательно, она является одним из отличий белорусской письменности от украинской, где подобные написания могли появляться лишь в результате влияния белорусской орфографии¹⁴.

Нормой списка является отражение перехода в определенной позиции звука *у* в *ў* путем написания буквы *в* на месте *у*: *вби^м бы^с 57, взохнути 206, живати 82, вчинити 61, 87* и др. Что касается перехода в *ў* звука *то* он в памятнике не отражается. Обычно в глаголах прошедшего времени мужского рода здесь пишется традиционное *л*: *доста^л 256, зна^л 260, знашо^л 248, пришо^л 247*. Более того, в памятнике распространены написания с буквой *л* на месте *в*. Это имеет место, в частности, в деепричастиях прошедшего времени, которые передаются то правильно (*бра^лши 69, доплати^лши 215, положи^лши 219, написа^лши 69*), то с *л* вместо *в*: *выкупи^лши 220, застави^лши 89, 220, докона^лши 113, почал^лшы 169, 170*. Даже одно и то же слово на одной странице может передаваться по-разному, например: *дожда^лши-дожда^лши 75*. Безусловно, приведенные написания являются косвенным отражением перехода *л* в *ў*. Поскольку в письменности по традиции в глаголах мужского рода прошедшего времени последовательно писалось *л*, хотя в живом произношении здесь слышалось *ў*, то и в приведенных деепричастиях, где также произносилось *ў*, могло появиться написание с *л*. Кстати, приведенные примеры не единичны в истории старобелорусской письменности. Изредка случаи написания *л* на месте *в* в деепричастиях встречаются в „Книге Витебского замкового суда 1533–1540 гг.“, в „Псалтыри XVI в.“, во Втором Статуте, а также в „Сборнике № 107“ (рукопись Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР).

Нормированной является также грамматическая система памятника. Характерную особенность ее, как и грамматического строя всей белорусской деловой письменности этого периода, составляет сближение с системой грамматических форм живой белорусской речи и незначительное использование традиционных книжных черт.

В области склонения существительных обращают на себя внимание прежде всего формы родительного падежа единственного числа с окончанием *-у/-ю*, закрепившимся в словах мужского рода основ на *-о* различных семанти-

¹⁴ Интересно, что подобные написания являются характерными для деловых памятников с территории южнорусских говоров, безударный вокализм которых очень близок к белорусскому. См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с. 63–65.

ческих категорий: *бою* 197, 207, 237¹⁵, *вчинку* 43, *выпису* 131, *выпуску* 228, *выступу* 99, *году* 138, *голоду* 231, *грабежу* 238, *доводу* 128, 166, 176, *долгу* 215, *закону* 41, 181, 187, *кввалту* 141, 172, 194, *листу* 217, *моистату* 41, 43, *недостатку* 208, *пересуду* 143, 152, *податку* 58, *позву* 221, *попису* 73, *присевку* 228, *реистру* 118, *роду* 44, 47, 86, 198, *року* 57, 75, 220, *россудку* 200, *скарбу* 166, 179, *сойму* 131, *спадку* 121, *ставу* 194, *стану* 40, 183, 249, *статку* 69, *тастаменту* 118, 126, *часу* 55, 80, 143 и т.д. По сравнению с ними случаи употребления традиционного окончания *-а/-я* здесь встречаются спорадически: *берега* 192, *воза* 237, *розума* 123, *суда* 49, 144. Иногда памятнику свойственны случаи разнобоя в употреблении традиционного и нового окончания в одних и тех же словах, например, *звычайо* 42 – *звычайя* 185, *обычаю* 130 – *обычая* 135, *лесу* 191 – *леса* 192, *повету* 124, 248 – *повета* 116, что было нормальным явлением в старобелорусской письменности древнего периода.

Существительные женского рода употребляются в родительном падеже с окончанием *-ы/-и*: *дани* 58, *можности* 66, *потребы* 66, *речи* 55, *службы* 70, *сторонья* 55, *уставы* 72, *ухвалы* 64, *шии* 179. Для отглагольных существительных среднего рода характерно в родительном падеже окончание *-ья*: *плаченья* 58, *ропущенья* 68, *сказанья* 67. Эта особенность сближает их с народными говорами и отделяет от традиционных форм на *-ия*, сохранявшихся еще в религиозных жанрах.

В дательном падеже одушевленных существительных мужского рода основ на *-о* единственным является старое окончание *-у/-ю*: *вряднику* 262, *гетману* 70, 71, *жалобнику* 176, *земянину* 141, *зятю* 100, *младенцу* 55, *мужичку* 190, *мужу* 190, *наместнику* 152, *опекуну* 118, *паробку* 227, *потомку* 89, *приятелю* 97, *соседу* 49, 155. Отражение нового окончания *-ови/-еви*, свойственного деловым памятникам второй половины XVI в.¹⁶, здесь еще не находит себе места.

Существительные женского и мужского рода основ на *-а* обычно имеют в дательном падеже окончание *-е* | *слузе* 89, *воеводе* 117, *жонце* 227, *девце* 55, *присязе* 132, *сестре* 120, *стороне* 48, *шляхтянце* 237|, хотя иногда встречаются и с окончанием *-и* | *земли* 156, *судьи* 150|. Слова среднего рода характеризуются окончанием *-у/-ю*: *князьству* 40, *ку граниченью* 185, *ку отволоченью* 47, *ку паленью* 58.

¹⁵ При подаче иллюстрационного материала по морфологии и лексике используются современные графические средства. Выносные буквы вносятся в строку

¹⁶ См.: А. І. Жураўскі. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I. Мінск, 1967, 244.

Существительные мужского рода употребляются в творительном падеже с окончанием *-омъ/-емъ*: *артыкуломъ* 185, *вижомъ* 77, *врядникомъ* 54, *вырокомъ* 109, *гетманомъ* 70, *господаремъ* 52, 105, *зверемъ* 201, *конемъ* 238, *мужемъ* 119, *обычаемъ* 66, *початкомъ* 175, *почтомъ* 67, *статкомъ* 68, *тастаментомъ* 105, *чеснокомъ* 212. Это же окончание свойственно и существительным среднего рода: *знаменемъ* 208, *караньемъ* 42, *молчаньемъ* 55, *правомъ* 47, *сведомомъ* 55, *словомъ* 41. Для существительных женского и мужского рода основ на *-а* единственным в творительном падеже является окончание *-ою/-ею*: *виною* 42, *волею* 52, 103, *датю* 41, *навезкою* 195, *парсуною* 83, *порадою* 50, *потребою* 65, *присягою* 41, *службою* 185, *судьею* 142, *шиєю* 147, *шляхтою* 48. Существительные женского рода основ на *-і* употребляются исключительно с окончанием *-ью*, свойственным и народным говорам: *ведомостью* 83, 172, *властностью* 118, *давностью* 55, *печатью* 144, *хитростью* 113, *честью* 70.

Предложный падеж существительных основ на *-о* еще изредка сохраняет старое окончание *-е*: *по брате* 170, *при пане гетмане* 68, *у дворе* 134, 236, *по квалте* 160, *на крузе* 243, *у своемъ повете* 52, 127, *на томъ почте* 68, *на томъ жо роце* 136, *на томъ сойме* 138, *в томъ тастаменте* 126, *при чиемъ человеце* 250. Рядом с ним выступает окончание *-и*: *при господари* 68, *в грабежи* 236, *в закони* 123, *на истцы* 218, *на добромъ кони* 65, *уво покои* 55, *в привильи* 59, *на вдовьемъ столци* 93. Однако господствующим в этом положении является новое окончание *-у/-ю*: *на году* 136, *в долгу* 120, *в дому* 161, 168, 180, 251, *по мужу* 95, *в недостатку* 118, 166, *по отцу* 170, *в пиру* 237, *на полацу* 136, *на року* 50, 129, 147, 152, 219, *на первомъ сойму* 138, *в суду* 130, *в толку* 53, *в торгу* 167, *на ярмарку* 257 и т.д. Что касается существительных среднего рода, то они с окончанием *-у/-ю* встречаются реже, например: *у вязенью* 59, *по выседенью* 150, *на местцу* 65, 73, 186. Основной нормой при употреблении их в предложном падеже являются формы с окончанием *-ы/-и*: *у своемъ именьцы* 65, *при томъ лицы* 257, *на его местцы* 186, *на поли* 238, *в именьи* 180, 156, 109, 249, *в добромъ здоровьи* 54. Особенно примечательны в этом отношении отглагольные существительные: *в держаньи* 59, 60, 196, 208, 216, *в ловеньи* 192, *по томъ обосланьи* 223, *в жадномъ подозреньи* 188, *по сказаньи* 139, *при справеньи* 126, *по вчиненьи* 124, *о розмноженьи* 80, *в молчаньи* 54, *о зраженьи моистату* 43, *по суде и таковомъ поконаньи* 42.

В предложном падеже существительные основ на *-а* при твердом отличии имеют окончание *-е*: *в некоторои суме* 50, *у господарьскои ласце* 66, *по дорозе* 77, *при мачосе* 87, *при матце* 87, *ув опеце* 87, *у выслuze* 106, *на науце* 116, *на парсуне* 118, *по пустой руке* 121, *по матце* 170, *по сестре* 170, *на дорозе* 172, *в оной муце* 254, *на слuze* 177. При этом в основах, как правило,

происходит чередование заднеязычных *з, к, х* со свистящими *з, ц, с*. При мягком отличии существительные основ на *-а* оканчиваются в предложном падеже на *-и*: *у земли 50, в полци 61, в купли 106, в той речи 143, по доброй воли 157, в неволи 232, в пуци 201, 205, 207*.

Существительные множественного числа именительного падежа мужского и женского рода характеризуются окончанием *-ы/-и*: *воеводы 52, гетманы 73, дочери 169, звычайи 41, злодеи 254, князи 181, неприятели 76, старосты 52, суседы 187*. Из этих слов особенно обращают на себя внимание формы с основами на заднеязычные, которые сохраняются без изменения в свистящие: *врядники 143, данники 155, ездоки 195, маршалки 52, 127, опекальники 112, потомки 60, 61, 106, разбойники 254, светки 153, 188, сумежники 187*. На их фоне слова с переходом заднеязычных в свистящие выглядят единичными: *врадницы 48*. Перечисленные существительные полностью отражают состояние этих форм в живом народном языке того времени. Вместе с тем в одушевленных существительных здесь в качестве факультативной нормы выступает уже новое окончание *-ове/-еве*, почти не известное ранее деловым памятникам и нашедшее широкое отражение в позднейшей старобелорусской письменности: *бискупове 181, гетманове 73, ексекторове 118, 119, 126, жидове 188, маршалкове 133, наместникове 133, опекунове 117, 126, панове 49, 52, 76, 83, 130, 138, 261, себрове 155, стрывеве 98, сынове 44, 84, 93, 123, 169, тизунове 82, тотарове 188*. С окончанием *-е* в именительном падеже множественного числа употребляются только существительные на *-инъ* бывших основ на согласный: *бояре 86, мещане 66, 151, 241, хрестьяне 188*.

Для существительных среднего рода в именительном падеже множественного числа свойственно исключительно окончание *-а*: *гумна 76, дела 138, добра 85, имения 67, княжата 261, лета 64, 103, 117, мыта 57, озера 46, 181, права 50, 118, 156, слова 150, хмелища 211*.

В родительном падеже множественного числа имен существительных основ на *-о* в соответствии с нормами живого языка выступает новое окончание *-овъ/-евъ*: *листовъ 48, маршалковъ 52, мужиковъ 208, обычаевъ 58, платовъ 58, пановъ 51, предковъ 57, рублевъ 48, шляхтичовъ 116*. Единственным исключением является существительное *возъ*, которое в этой позиции сохраняет еще старую форму с чистой основой: *десяти возъ сеножати по грошу 52*. В родительном падеже основ на *-и* выступает окончание *-ей*: *бортей 208, гостей 179, грошей 48, князей 41, 57, королей 41, неприятелей 84, 43, 47, пенязей 52, речей 143, частей 53, 98, частей 81*. В основах на *-а* в родительном падеже сохраняется чистая основа: *воеводъ 52, земль 42, 81, корчомъ 91, радъ 50, сажовокъ 61, сестрь 100, старость 52*.

Существительные мужского рода различных типов в дательном падеже множественного числа употребляются с окончанием *-омъ/-емъ*, которое продолжало существовать как основная норма письменного языка позднейшего времени: *бортникомъ* 204, *бурмистромъ* 232, *врадникомъ* 232, *зверемъ* 202, *земляникомъ* 70, *земляномъ* 137, *конемъ* 62, 77, *мещаномъ* 83, 232, *опекуномъ* 116, *паномъ* 40, 42, 135, 136, *паробкомъ* 226, *пиромъ* 167, *писаремъ* 52, 73, *потомкомъ* 57, 84, *прелатомъ* 40, 42, *рыцерею* 40, *селяномъ* 151, *скарбомъ* 93, 95, *суседомъ* 160, *татаромъ* 228, *тубыльцомъ* 40, 81, *чужоземцомъ* 81. Это же окончание свойственно и многим существительным других родов [*бортемъ* 203, 205, *детемъ* 43, 96, 97, 107, *людемъ* 155, 174, 229, *местомъ* 42, *панятомъ* 83, *сеножатемъ* 196, 204], исключая существительные основ на *-а*, которые употребляются с окончанием *-амъ/-ямъ*: *велможамъ* 40, *воеводамъ* 91, 227, *границамъ* 186, *державцамъ* 91, 227, *девкамъ* 100, *жонамъ* 225, *корчмамъ* 167, *птахамъ* 242, *пуцамъ* 61, *радамъ* 127, *сиротамъ* 107, *собакамъ* 243, *старостамъ* 91, 227, *сторонамъ* 200, *судьямъ* 150, 151, *шляхтамъ* 42, а также некоторые существительные среднего рода: *именьямъ* 114, *правамъ* 157. В результате в отдельных случаях создается разнобой: *княжатамъ* 42, 83 — *княжатою* 40, 51.

В творительном падеже множественного числа преимущественно употребляется старое окончание *-ы/-и*: *тыми входы* 205, *з дворы* 228, *со всеми доводы* 147, *передъ ездоки* 185, *за тыми знаки* 261, *тыми листы* 89, 140, *листы дозволенными* 52, *своими млыны* 193, *з двама мужи* 95, *межи мужики* 135, *передъ паны* 52, 152, *межи паны* 136, *за двама позвы* 148, *позвы господарьскими* 133, *потомки нашими* 64, *писанными правы* 127, *тыми правы* 138, *за привильи первыми* 59, *со шестыма светки* 184, *тыми светки* 116, 154, *неучтивыми словы* 150, *тыми словы* 87, *со всеми статки* 200, *близкими суседы* 184, *околичными суседы* 160, *тастаменты своими* 123, *з урядники* 152, 132, *межи тыми хрестьяны* 188, *вечными часы* 41, 47, *трема шляхтичы* 165, 200. Однако здесь уже явно пробиваются новые окончания *-ми* и *-ами*, получившие позже широкое распространение в письменных памятниках: *бортми* 205, *детми* 95, 162, *дорогами* 61, *жонами* 105, *землями* 47, *конми* 68, *комисарми* 140, *людми* 48, 184, *парсунами* 67, *пенязми* 101, 179, *печатми* 86, 117, *подводами* 58, *присягами* 44, *пугами* 247, *пчолами* 204, 205, *радами* 57, *речми* 200, *светками* 125, 164, 183, 217, *сеножатми* 205, *трудностями* 56.

Существительные основ на *-о*, *-і* в предложном падеже множественного числа употребляются в основном с традиционными окончаниями *-охъ/-ехъ*: *в тыхъ артыкулахъ* 156, *о боехъ* 159, *при гетманехъ* 64, 69, *в грабежахъ*

136, у дворехъ 62, 200, в долзехъ 215, о гвалтхъ 159, на княжатохъ або на панятохъ 89, в конехъ 75, в молодыхъ летехъ 107, в людехъ 75, на местехъ 57, на местцохъ 91, на мостехъ 57, ув обычаехъ и артыкулахъ 41, о опекунхъ 107, в поязехъ 112, 219, 228, в поветехъ 261, ув ынишихъ пожиткохъ 192, в позвехъ 148, на его потомкохъ 115, в тыхъ правехъ 128, 130, 139, при светкохъ 162, при сеножатехъ 203, у скарбехъ 95, на станехъ 58, на торгохъ 57. Существительные же основ на -а имеют окончания -ахъ/-яхъ: на водахъ 57, о головицахъ 136, 159, о границахъ 183, на гребляхъ 57, на дорогахъ 57, о звадахъ 174, в земляхъ 136, у книгахъ 128, о копахъ 183, в корчмахъ 167, в межахъ 181, у двухъ неделяхъ 135, в ынишихъ пригодахъ 47, у причинахъ 47, на пуцахъ 62, на ранахъ 175, в рукахъ 116, 189, о слободахъ 80, в обеюхъ сумахъ 216, в стравахъ 128, на шкодахъ 165, 254. Под воздействием основ на -а и живых народных говоров окончание -ахъ/-яхъ встречаются и в некоторых существительных других типов: во всихъ меньяхъ 106, в накладахъ 128, во всихъ тыхъ положеньяхъ 41, в тыхъ привильяхъ 83, в чотырехъ речахъ 111, в розбояхъ 136, о светкахъ 126, при слободахъ и волностахъ 83, при тастаментахъ 126.

В Фирлеевском списке сохраняются еще остатки двойственного числа: обе стороне 189, 199, два шляхтича 85. Однако наличие здесь написаний вроде *две копы* 211, *два землянины* 132 свидетельствует о том, что двойственное число в живом языке уже утрачивалось. С числительными *три* и *четыре* существительные употребляются только в форме множественного числа: *три годы* 196, *три дни* 260, 262, *три копы* 235, *три мужы* 251, *три рубли* 148, 190, *чотыри копы* 65, *чотыри недели* 146, *чотыри роки* 56.

Что касается звательного падежа, то он представлен в памятнике всего одним примером: *боже вховай* 76.

Система грамматических форм прилагательных, местоимений и числительных является нормированной и стабильной. Так, прилагательные, порядковые числительные и некоторые разряды местоимений мужского рода в именительном падеже единственного числа последовательно употребляются с окончанием -ый/-ий: *вторый* 56, 64, *кождый* 45, 52, 54, 68, *первый* 56, *простый* 88, 189, *таковый* 54, 59, *чий* 229 и др. Это окончание прочно удерживалось в письменном языке, хотя, возможно, уже в это время не соответствовало положению в большинстве белорусских говоров, где происходило отпадение конечного *j*.

В родительном падеже мужского и среднего рода для этих же разрядов слов характерно только окончание -ого/-его: *великого* 40, *вышшего* 59, *давного* 82, 185, *другого* 186, *жадного* 42, 121, 187, *злого* 43, *кождного* 69, 138,

183, 238 *которого* 40, *латынского* 41, 188, *литовского* 40, *нашего* 50, *наяснейшего* 40, *нижнего* 59, *особного* 67, *поветового* 54, *полского* 40, *русского* 40, *рымского* 187, *своего* 46, 114, 129, *серебщицкого* 58, *слушиного* 166, *старого* 135, *четвертого* 57, *чьего* 135, *щастного* 80 и др. Книжнославянское окончание *-аго/-яго*, встречающееся еще в это время в некоторых письменных памятниках религиозных жанров, в Статуте отсутствует, что очень ярко свидетельствует о воздействии народных говоров. Прилагательные, порядковые числительные и соотносительные с ними местоимения женского рода в родительном падеже имеют только окончание *-оє/-еє*: *братѣи роженое* 167, *безѣ слушиное какоє причины* 147, *наездѣки домовое* 141, *кривды детиное* 107, *службы нашеє земское* 70, *навалное потребы* 66, *первое жоны* 106, *наблишее можности своеє* 66, *жадное шкоды* 61, *с чужое стороны* 55, *з ласки нашеє господарьское* 40, *з ласки божеє* 40, *оное реки* 192, *с тоє стороны* 86, *тоє всеє шкоды* 72.

Прилагательные и неличные местоимения мужского рода в дательном падеже употребляются с окончанием *-ому/-ему*: *великому князѣству* 40, *жадному обчому* 81, *суседу своему* 49, *чьему человеку* 135, *кождому суседу* 156, *чьему дереву* 206. Эти же слова в женском роде имеют окончание *-ой/-ей*: *всей земли* 156, *ку службѣ военной* 70, *ку нашеєи ясности* 56, *ку своей земли* 55.

В творительном падеже прилагательные и местоимения мужского и среднего рода употребляются с окончанием *-ымъ/-имъ* / *с кимъ* 155, *инакишимъ обычаемъ* 144, *зо всимъ статкомъ* 68, *тымъ обычаемъ* 66, *со всимъ своимъ почтомъ* 67, *нашимъ словомъ* 41, *особнымъ артыкуломъ* 185, *передъ вижомъ поветовымъ* 48, *за онымъ початкомъ*, женского — *-ою/-ею*: *печатью своею* 144, *нашою парсуню* 83, *жадною мерою* 67, *наглою квалтовною потребою* 65, *подъ присягою нашею телесною* 41, *виною пеняжною* 42.

Прилагательные, порядковые числительные и неличные местоимения мужского и среднего рода в предложном падеже имеют исключительно окончание *-омъ/-емъ*: *на другомъ року* 186, *на року завитомъ* 219, *на року судовомъ* 152, *на рухомомъ именьи* 118, *на томъ же старшомъ братѣ* 115, *на вдовьемъ столци* 93, *на добромъ кони* 65, *в земскомъ праве* 145, *на обчомъ торгу* 249, *на первомъ сойму* 138, *на чьемъ поли* 206, *в ыменьи своемъ* 180, *у своемъ дому* 259. Для этих же разрядов слов в женском роде характерны окончания *-ой/-ей*: *в той речи* 143, *в чьей пуци* 205, *на своей земли* 163, *в одной муце* 254, *по пустой рuce* 121, *у чужой земли* 50.

В прилагательных и местоимениях именительного и винительного падежей множественного числа преобладает еще унифицированное окончание *-ыи/-ии*: *земли пустовскии* 47, *новыи мыта* 57, *замки старыи* 58, *лета*

зупълнни 64, малыи долги 115, соромныи слова 150, люди простыи 154, бобровыи гоны 181, 912, чужии сеножати 207, раны мужицкии и паробоккии 227, знаки злодейскии 253, тыи листы 41, речи которыи 135, таковыи дела 138, себрове инныи 155, чии светки 187, какии долги 216, права свои 50. Однако здесь уже в качестве факультативной нормы явственно пробивает себе дорогу новое окончание *-ые/-ие*, ставшее впоследствии в деловой письменности основной нормой: *листы впоминальные* 50, *мосты старые* 58, *гумна шляхетские* 76, *кривды суседские* 118, *чужие борти* 205, *тые бояре* 86, *которые втиски* 104, *за тые лета* 117, *якие кривды* 118, *иныи права* 118, *тые дела* 138.

Родительный падеж множественного числа прилагательных и местоимений характеризуется окончанием *-ыхъ/-ихъ* (*жадных речей* 143, *тыхъ реместниковъ* 226, *всихъ местъ* 151, *с тыхъ именей* 84, *до всякихъ земель* 83, *предковъ нашихъ* 57, *таковыхъ листовъ* 48), дательный — *-ымъ/ -имъ* (*к тымъ правамъ* 157, *инымъ людемъ* 155, *писаремъ своимъ* 52, *всимъ прелатомъ* 40), творительный — *-ыми/-ими* (*неучтивыми словы* 150, *з великими трудностями* 56, *вечными часы* 47, *со всеми статки* 200, *со своими доводы* 147, *тыми правы* 138), предложный — *-ыхъ/-ихъ* (*в молодыхъ летехъ* 107, *во всихъ речахъ* 139, *на старыхъ местцохъ* 58, *в тыхъ правехъ* 128).

Статуту не свойственны уже энклитические формы личных местоимений. Единственным случаем употребления энклитического местоимения в винительном падеже единственного числа является пример *тя ранилъ* 176. В других случаях последовательно употребляются полные личные местоимения, что свидетельствует об утере энклитических форм в живой народной речи.

Из особенностей в склонении прилагательных надо отметить, что в предикативной функции они иногда употребляются в краткой форме: *не годенъ былъ* 70, *дужь былъ* 191, *былъ здоровъ* 71, *былъ форъ* 129, *тотъ позванный будетъ воленъ* 144, *былъ живъ* 121.

В списке относительно нормированной выступает также система глагола. Так, формы настоящего и будущего времени 3-го лица единственного и множественного числа имеют здесь в основном мягкое окончание- *ть*: *будеть* 47, 52, *втечеть* 43, *выдасть* 100, *маеть* 45, 49, 55, *можетъ* 104, *обещуетъ* 50, *очистить* 256, *приидеть* 55, *прислугуетъ* 67, *слябуетъ* 80, 82; *бываютъ* 94, *мають* 52 и др. Очевидно, такое же мягкое окончание следует видеть и в формах, где конечное *т* написано над строкой: *буде^т* 43, *закупи^т* 43, *купи^т* 43, *мае^т* 47, *трати^т* 46, *маю^т* 41, 66 и т.д. Очень редкое употребление твердого книжного окончания *-тъ* | *маеть* 57, *тратитъ* 78/, известно-

го некоторым письменным памятникам позднейшего периода, свидетельствует, что рассматриваемые формы деловой письменности находились в большей мере под непосредственным воздействием живых белорусских говоров. Вместе с тем наличие в глаголах первого спряжения окончания *-ть* свидетельствует о значительном участии северных белорусских говоров в выработке грамматических норм деловой письменности раннего периода.

Формы глаголов 1-го лица множественного числа в памятнике употребляются только с окончанием *-мъ* (*-мь*): *обецуюмъ и слобуюемъ* 41, *потвержаемъ и вмоцняемъ* 41, *хочемъ* 42, *установимъ* 43, 51, 53, *обецуюмъ* 47, *будемъ* 50, *маемъ* 51, *будемъ* 56, *приказуемъ* 74, *ухвалимъ* 139 и т.д. Окончания *-мо* и *-мы*, которые часто встречаются в письменности позднейшего периода, памятнику не свойственны. Отмеченная черта также свидетельствует о роли северных белорусских говоров в выработке грамматических норм Первого Статута.

Единственной формой прошедшего времени выступает в памятнике перфект. Структурной особенностью форм 1-го лица множественного числа является употребление связки в трансформированном варианте *есмо*, которая обычно выступает в постпозиции к причастию основного глагола: *вмыслили есмо* 41, *слюбили есмо* 41, *дали есмо* 42 и др. Вероятно, эти формы еще находили поддержку со стороны народного языка (формы 1-го лица единственного числа в книге не употребляются в связи с отсутствием благоприятного контекста). В 3-м лице единственного и множественного числа перфект отмечается без связки (*мели* 41, *ставили* 42, *винилъ* 42, *не дбалъ* 49, *чинилъ* 49, *далъ* 58, *зранилъ* 45, *пошли* 103), и это также относится к числу специфических особенностей деловой письменности в отличие от других видов древней литературы, где иногда и в 3-м лице выступает связка.

Причастия с основой на согласный в составе перфекта употребляются исключительно без конечного *-л*, которое в живых восточнославянских языках отпало вскоре после падения редуцированных: *втекъ* 43, *втекъ* 44, *вмеръ* 57, 260. Причастия настоящего времени, играющие в деловой письменности фактически роль деепричастий, выступают только с суффиксами *-учи/-ючи*, *-ачи/-ячи*: *будучи* 54, 60, *едучи* 55, *ездячи* 61, *закрываючи* 41, *маючи* 40, *могучи* 65, *объявляючи* 42, *повстагаючи* 47, *ропускаючи* 73, *седячи* 53, *стоячи* 62 и т.д. Соответствующие деепричастия прошедшего времени также всегда имеют суффикс *-ши*: *бравши* 69, *дождавши* 75, *доросши* 107, *полецавши* 97, *пописавши* 69, *приехалиши* 66, *пришедши* 51, *прочотши* 48. Старые формы причастий настоящего времени на *-а/-я* и прошедшего времени без *-ши* в памятнике совершенно отсутствуют.

Формы будущего времени образуются путем соединения личных форм вспомогательного глагола *быти* с инфинитивом основного глагола: *будеть держати* 125, *будеть стояти* 134, *будеть позывати* 134, *чинити будемъ* 56, *давати не будемъ* 47, *будутъ повинни отказывати* 113. Встречаются в памятнике также формы будущего сложного II, которое образуется при помощи присоединения вспомогательного глагола *быти* к причастиям на -л: *маеть кождога человека колко будетъ взялъ своимъ отчизнымъ навезати* (47); *оный што будетъ того шкодовалъ* (128); *кому будетъ присудилъ судья або што на комъ будетъ взято судья маеть ему вернути* (128). Это будущее можно квалифицировать как реликт древней системы в отличие от письменности позднейшего времени, где оно употреблялось в других синтаксических условиях под влиянием польского языка.

Инфинитивы в Статуте имеют, как правило, только суффиксы -чи: *вказывати* 64, *вернути* 48, *держати* 41, 43, 56, *карати* 41, 42, *наежчати* 76, *платити* 77, *помовити* 42, *продати* 51, *служити* 64, *стеречи* 80, *топта-ти* 78 и т.д.

Лексическая система памятника также близка к словарю живого белорусского языка. Здесь отражены все слои различных по происхождению слов, характерные для белорусской деловой письменности вообще. Основную часть лексических средств Фирлеевского списка составляют общеупотребительные лексемы, унаследованные от общеславянской и древнерусской эпох и образованные на основании общеславянского корнеслова и белорусских словообразовательных средств на белорусской почве. Наиболее характерными существительными, часто встречающимися в памятнике, являются такие, как *бой*, *братъ*, *воля*, *годъ*, *голова*, *гость*, *граница*, *гумно*, *домъ*, *дочка*, *жона*, *законъ*, *злодей*, *коваль*, *кривда*, *лесъ*, *мужъ*, *нога*, *отець*, *плотъ*, *пуца*, *рана*, *речь*, *родъ*, *рука*, *сеножать*, *сестра*, *слуга*, *служба*, *судъ*, *сынъ*, *часть*, *человекъ*, *хитрость*, *шия* и др. В качестве самых употребительных глаголов здесь выступают *бити*, *винити*, *дати*, *держати*, *ездити*, *забити*, *карати*, *купити*, *мети*, *мовити*, *паметати*, *платити*, *присудити*, *продати*, *пытати*, *ранити*, *служити*, *ставити*, *стояти*, *судити*, *топта-ти*, *ховати*, *хотети* и др. Из числа прилагательных можно отметить *вечный*, *добрый*, *домовый*, *дужий*, *женский*, *лепший*, *молодой*, *новый*, *простый*, *пустый*, *русский*, *слушный*, *старый*, *чужий* и т.д.

В соответствии с живым произношением в рукописи находит широкое отражение полногласная лексика: *боронити*, *голова*, *берегъ*, *голодъ*, *король*, *молодой*, *соромити*, *сторона*. С польской огласовкой здесь выступает только слово *влостный* (43, 71). Из других средств, сближающих лекси-

ку Статута с живыми говорами, наибольшего внимания заслуживают рассмотренные выше отглагольные существительные типа *бранье, выданье, держанье, обосланье, осоченье, подозренье, сказанье*, выступающие в специфически белорусском фонетико-морфологическом оформлении.

Как и словарный состав других белорусских деловых памятников, лексика рассматриваемого списка Статута включает некоторое количество заимствований. Среди них по числу значимых единиц первое место занимают, безусловно, слова польского происхождения. Это объясняется историческими условиями развития старобелорусского литературного языка в тесном взаимодействии с польским. Известно, что обогащение белорусских письменных памятников польской лексикой происходило в продолжение всего древнего периода. Первоначально наиболее проницаемой для польских слов являлась старобелорусская деловая письменность, на которой отразилось воздействие насыщенных полонизмами документов на белорусском языке, которые попадали в Великое Княжество Литовское из королевской канцелярии¹⁷. Уже в середине XV в. здесь прочно закрепились полонизмы типа *векунстый, велебный, водлугъ, волати, дбати, едность, моць, никгда, обронца, округный, опека, панъ, сромота, цюта* и др.¹⁸, которые продолжали употребляться в письменных белорусских памятниках и в дальнейшем. Вместе с тем деловая письменность постепенно насыщалась новыми лексемами, хотя еще в течение нескольких десятилетий этот процесс был замедленным. Анализируемый список Статута явился, по существу, одним из наиболее ранних памятников, где польская лексическая струя пробилась уже довольно осязательно.

Среди лексем польского происхождения, встречающихся в Фирлеевском списке, самую большую группу составляют существительные: *безецникъ, быдло* (с производым *быдля*), *валка, вырокъ, вязенье, дедицтво, заказъ* „приказ“, *замокъ* „замок“, *земянинъ* (с произв. *земянский*), *лазбень, листъ* „юридический документ“, *место* „город“ (с произв. *местыцкий, мещанинъ*), *можность, моць* (с произв. *мощно, мощный, вмоцненный, вмоцнити, вмоцняти, немощный, немощъ*), *нагабанье* (с произв. *перенагабанье*), *навезка (навязка), неопатрность, опека* (с произв. *опекателникъ, опекатися, опекунство, опекунъ*), *панъ* (с произв. *пани, панна, панованье, панский, панство, паны рада, паня*), *пахолокъ, поветъ* (с произв. *поветный, поветовый*), *позовъ, послодство, похвалка, почтъ, прилбца, рокъ, сведецтво,*

¹⁷ П. Ф. Крапивиц: К вопросу о появлении полонизмов в старобелорусском языке. *Беларуская лексікалогія і этымалогія*. Мінск, 1968, с. 88—89.

¹⁸ Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970, с. 91.

скарбѣ, соймѣ (сѣемѣ), спадокѣ, стадло, статокѣ, столецѣ, столярѣ, устава, хлопѣ, цюта, чонокѣ, шата.

Из других частей речи в памятнике встречаются такие слова, как *валный, властный (власный, уласный, влостный, с производным властность), водле (водлугѣ), валати (с произв. выволанный, выволати, отволати, поволати), восполокѣ, виакѣ, дбати (с произв. недбалость), жадинѣ, жебы, завие, зася, звлаща, знакомитый, зуполный, зыскати (с произв. зысканный, зысканье, зысковати), ижѣ, иле, индеи, истый, кѣды, лечѣ, менити, мешкати (с произв. замешканье, замешкати, омешканный, омешканье, омешкати, умешкати), наглый, напротивку, нерядне, обалити, обецовати, обчий, остаточный, очивисте, пилновати, поведати, повстегати, повторе, подле (подлугѣ), позычати (с произв. позычити, позычоный), полецати, поседати, посполитый (с произв. посполите, посполито), посполу (посполѣ), похонейший, предся, привлацити, прислушати, прожный, прето, совито, тежѣ, тыле, уставичне, шаленый.*

Свойственны памятнику также слова с польскими формантами *-ца, -пзна: вбойца, возница, державца, забийца, заводца, злочинца, мужобойца, подгонца, рукоемца; дедизна (с произв. дедизный), материзна, отчизна (с произв. отчизный), серебцизный.* Наконец, обращает на себя внимание значительное количество слов с польской неопределенной частицей — *кольвекѣ (-кольве)*, которая придавала им значение неопределенности или абсолютности: *ачколвекѣ (ачколве), гдеколвекѣ (гдеколве), какой колвекѣ, коликолвекѣ, который колвекѣ (который колве), некоторый колвекѣ, хтоколвекѣ, чий колве, штоколве, якоколве.* Польское влияние в памятнике проявляется также благодаря употреблению слов с польским элементом *-кровать: илекровать, колкокровать, поколкукровать, толкокровать, трикровать, частокровать.*

В меньшей степени, чем полонизмы, отразились в списке лексические средства немецкого происхождения: *бенкартѣ, бискупѣ, будовати (с произв. будованье, збудовати), бурмистрѣ, гафтарѣ, гафтарка, гетманѣ (с произв. гетмановѣ, гетманский), каплунѣ, катѣ, кацерь, квалтѣ (с произв. квалтованье, квалтовне, квалтовникѣ, квалтовный, квалтомь, эквалтити, эквалтовати), клейно, клейноть, кухарѣ, ланцугѣ, маршалокѣ, маршалство, маштарель, муларѣ, мусити, пава, панцырѣ, пенязи (с произв. пеняжный), пушкарѣ, рада (с произв. радити, порада), рыцерь (с произв. рыцерский, рыцерство), трафитися, фалишь, фалишовати, цыниѣ, шацунокѣ, шихѣ (с произв. шихованье, шиховатися), шкода (с произв. шкодити, шкодникѣ, шкодный, шкодovati, пошкодити, ушкодити), шляхта (с произв. шляхетский, шляхетство, шляхтич, шляхтянка,*

нешляхетство, нешляхта), *ярмарокъ*. Поскольку фонетико-морфологический облик большинства из них более близок к внешнему оформлению соответствующих польских слов, чем немецких этимонов, можно судить, что основную роль при их заимствовании выполняло польское посредничество. Некоторые же из этих германизмов, например, *бискупъ, канлунъ, пушкаръ*, попали в старобелорусский язык через чешско-польское посредничество.

Польский язык явился для старобелорусского и основным источником встречающихся в Статуте латинизмов (*артыкулъ, грошъ, дата, ексекуторъ, канцлеря, канцлерейство, капланъ, кметъ, комисаръ, коруна, костелъ, мацстатъ, миля, млынъ, парсуна, перла, плебанъ, прелатъ, привилей, прокураторъ, рейстръ, стаця, сума, тастаментъ*), чехизмов (*дремлигъ, праца*), итальянизмов (*кашталянъ, палацъ*), венгерского слова *кордъ*.

Небольшую группу составляют в памятнике тюркизмы: *барышникъ, болобанъ, карый*. Следует обратить внимание также на имеющиеся в списке литуанизмы: *бонда, деготь, дойлида, дякло, стирта, торпоста*. Как видно, их здесь небольшое количество, хотя принимая во внимание близость литовской территории можно было бы ожидать более значительного литовского лексического воздействия.

На основании произведенного анализа палеографических и филологических особенностей Фирлеевского списка можно заключить, что он возник во второй четверти XVI в. на пограничных литовско-белорусских землях. Бумага рукописи дает возможность определить время ее возникновения более точно. В бумаге чаще всего встречается водяной знак в виде двойного креста, который соответствует в атласе Э. Лауцявичюса водяному знаку типа 1787, датируемому 1526–1527 гг. (этот водяной знак встречен нами и в некоторых рукописях, датированных 1531 г.). Второй водяной знак – двойная лилия – соответствует в том же атласе водяному знаку типа 2140, датируемому 1533 г.

Согласно этим данным рукопись следовало бы датировать 1526–1533 гг. Но учитывая то, что Первый Статут получил утверждение на сейме лишь в 1529 г., хронологические рамки допустимо сузить до 1529–1533 гг. Тем самым можно говорить, что Фирлеевский список возник в год принятия или в первые годы действия Статута. Ввиду этого имеется полное основание предполагать, что список передает и один из наиболее ранних текстов Первого Статута.

Несомненно, что наибольший интерес для исследователей представляет сам текст Фирлеевского списка, его исправность, близость к подлиннику и отношение к другим спискам Первого Статута. Фирлеевский список, в

отличие от некоторых других списков, содержит только текст Статута с реестром. Так как последние два листа рукописи, бывшие незаписанными, позже заполнены записями, не относящимися к Статуту, то можно думать, что в своем составе других текстов список не имел вообще.

О тексте, вставленном в начале рукописи и затранскрибированном польскими буквами, уже говорилось выше. В дополнение можно лишь сказать, что он скопирован с Фирлеевского списка и в текстовом отношении большого научного значения не имеет.

Совершенно иной материал для исследователя дает изучение реестров. Из сличения текстов обоих реестров видно, что реестр I не был единственным источником для реестра II. Реестры различаются между собой формулировкой отдельных артикулов, их последовательностью и даже количеством в некоторых разделах. Так, раздел V в реестре II начинается нумерованным артикулом „Опекун, яко прироченый, так вставленный, што бы замешканем дедом упустил“, которого в реестре I нет вообще. В то же время реестр I содержит в конце того же раздела три нумерованных артикула (14–15–16), которые отсутствуют в реестре II. Думать, что писец не дописал последних артикулов, не приходится, так как заставкой в виде цепочки в конце раздела он недвусмысленно подчеркнул, что раздел им окончен.

Большое расхождение между реестрами наблюдается и в формулировках текста отдельных артикулов. Текст одних и тех же артикулов в одном реестре передан в сокращенной форме, а в другом – в более пространной и наоборот. Так, содержание артикула 8 раздела III в реестре I передано более пространно („Волно выйти из земли господарское для навчения вчинков рыцерских до всяких земель, кром неприятельское“), чем в реестре II („Волно выйти из земли господарской для навчения вчинков“, III, 7).

В других же случаях замечаем обратную картину: вместо сокращенного заглавия в реестре I („Кому бы за который выстугь именье взято“, V, 10), выступает его развернутая форма в реестре II („Кому бы за который выстуг имене взято, а наперед будет оправа вчинена жоне его“, V, 11). Приведенные случаи расхождения текстов в реестрах I и II не являются единичными (ср. III, 16; IV, 5, 6; V, 6 и др.). Они ведут к предположению, что писец реестра II к своей работе отнесся творчески, а реестр I не был для него единственным источником. К тому же текст реестра II не совпадает с текстами и других известных списков Статута.

Хотя текст реестра II и самого Статута писаны одним писцом, однако между ними также нет полного соответствия. В некоторых разделах текста Статута содержится больше артикулов, чем их указано в реестре. Эти дополнительные артикулы вписаны в начале II.

V, VI и XI) или в конце (I, IV и VI) разделов текста и не всегда имеют нумерацию. Наличие меньшего количества артикулов в реестре свидетельствует о том, что он передает более раннюю редакцию Статута, чем его текст.

Фирлеевский список содержит довольно исправный текст, тем не менее в нем, как и в других списках Первого Статута, встречается немало опусков, перестановок и пропусков слов и даже целых выражений. Так, например, в списке ошибочно написано „не имел“ вместо „не смел“ (I, 21), „толко“ вм. „колко“ (I, 24), „реку силную“ вм. „реку суполную“ (VIII, 11) и пр. Имеются случаи пропуска текста по одной строке (I, 16; VII, 19; IX, 5; XII, 2), по две (1, 10) и даже по три (VI, 1) строки.

С другой стороны, в изучаемом списке можно отметить целый ряд артикулов (II, 1; IV, 13; V, 1, 7; VI, 9; XI, 6; XIII, 19 и др.), которые в редакционном отношении лучше сформулированы или свободны от ошибок, присущих другим спискам этого Статута. В отдельных артикулах Фирлеевского списка находим немало слов, дополняющих или уточняющих текст. Все это дает основание отнести этот список по исправности текста к лучшим спискам Первого Статута.

До сих пор исследователи о Фирлеевском списке судили, как правило, не по оригиналу, а по тем данным, которые можно было почерпнуть из Познанского¹⁹, Московского²⁰ или Минского²¹ изданий Первого Статута. Сопоставление этих изданий, где даны разночтения списка, с подлинником приводит к выводу, что по этим публикациям нельзя судить о качестве Фирлеевского списка.

Нет сомнения, что Познанское издание Первого Статута, подготовленное выдающимися знатоками права И. Даниловичем и И. Лелевелем, заслуживает весьма высокой оценки. Широкий круг исследователей впервые получил печатный текст Статута, притом на трех языках: на языке подлинника, а также в латинском и польском переводах. Однако Познанское издание, начатое И. Даниловичем, продолженное И. Лелевелем и завершенное А. Т. Дзялыньским, подготавливалось в крайне неблагоприятной политической обстановке царского режима, что объективно обусловило некоторые его недостатки. В издании совершенно нет разночтений текстов IV (с арт. 6) и V разделов, которые уже были набраны, но после вынужденного десятилетнего перерыва в печати позже не были отысканы. Не отмечено много

¹⁹ См. сноску 3.

²⁰ См. сноску 4.

²¹ Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. Под ред. К. Яблоньска. Минск, 1960.

важных разночтений Фирлеевского списка и в различных артикулах других разделов (см. VI, 9, 15, 19; VII, 13; VIII, 9; XII, 2 и др.).

В Минском издании Первого Статута разночтения Фирлеевского списка даны по Познанскому изданию, так как его текст к этому времени еще не был отыскан. Сличение разночтений Фирлеевского списка, перенесенных из Познанского издания в Минское, показывает, что далеко не все они попали в последнее. В Минском издании опущено много разночтений редакционного характера, а также языкового и смыслового значения (см. I, 1, 11, 22; II, 3, 8; VI, 3, 23, 24; VIII, 5 и др.).

На основании сопоставления текста Фирлеевского списка с текстами других ныне известных списков можно высказать некоторые соображения о их взаимоотношении и близости подлиннику Первого Статута.

Как известно, почти все списки Первого Статута имеют различное количество артикулов. Это объясняется тем, что составителями этого кодекса было предусмотрено его пополнение новыми артикулами. В трех артикулах (начальный без номера, 5 и 25) раздела VI прямо сказано, что в случае отсутствия в Статуте нужной юридической нормы дело должно решаться на основе обычного права. Такая судом примененная и сеймом утвержденная юридическая норма облекалась в форму артикула и подлежала внесению в текст Статута. Однако новые артикулы попадали далеко не во все его списки, бывшие в обращении на огромной территории государства. Ввиду такого непрерывного дописывания к тексту Статута новых артикулов дошедшие до нас его списки имеют различный текстовый состав. Они различаются количеством артикулов, их расположением в разделах, наличием или отсутствием заголовков, нумерации и пр.

В зависимости от количества артикулов все списки Первого Статута принято делить на две редакции — краткую и пространную. Списки краткой редакции (Замойского, Дзялынського, Пулавский и др.) содержат меньшее количество артикулов, чем списки пространной редакции (Слущкий, Остробрамский, Ольшевского²²) и являются более ранними по происхождению. Фирлеевский список, как показывает его текстовый состав, принадлежит к группе списков краткой редакции.

Естественно предполагать, что среди списков краткой редакции следует искать список, который передает наиболее древний текст Первого Статута и стоит ближе всего к его подлиннику. К сожалению, для решения этого весьма важного вопроса мы не располагаем, кроме текстов названных списков, никакими другими данными. Тем не менее наблюдение над текстами списков краткой редакции дает некоторый материал для суждений по этому вопросу.

²² О последнем см. V. Raudeliūnas. Nežinomi Pirmojo Lietuvos Statuto artikulai. — Кн.: Kraštotyra, V., 1971, p. 64—69.

Уже реестры Фирлеевского, Замоийского и Дзялынского списков различаются между собой по количеству имеющихся в них артикулов. В разделах IV и VIII Фирлеевский список соответственно имеет 14 и 19 артикулов, столько же их и в списке Замоийского²³, а в списке Дзялынского – одним артикулом больше. Еще большее несовпадение видим в реестре раздела I, в котором по Фирлеевскому списку насчитывается 24 артикула, а по спискам Замоийского и Дзялынского – 26. Дефектность Фирлеевского списка не позволяет установить количества артикулов в реестре раздела VI, где список Замоийского содержит 24 артикула²⁴, а список Дзялынского – 26, причём два последних артикула не имеют нумерации.

Неодинаковое количество артикулов содержится и в самих текстах рассматриваемых списков. Так, в разделе I списка Дзялынского насчитывается 26 артикулов, а в Фирлеевском списке – 24. Это объясняется тем, что в Фирлеевском списке последние два артикула еще не выделены в самостоятельные артикулы: они не имеют заголовков и нумерации, а поэтому просто приписаны, с сохранением небольшого отступления, к тексту последнего артикула в разделе. Несколько больше, по сравнению с Фирлеевским списком, обособлены эти два артикула в списке Замоийского.

Подобное положение может отметить и в расположении последних трех (25–26–27) артикулов раздела VI. В Фирлеевском списке эти артикулы не имеют ни заглавий, ни нумерации и лишь с сохранением небольшого отступления приписаны к тексту предыдущего артикула. В то же время в списке Дзялынского арт. 25 является пронумерованным, арт. 27 уже озаглавлен, а арт. 26 имеет и нумерацию и оглавление. Весьма показателен в этом отношении и арт. 4 раздела IX Фирлеевского списка, который разбит в списках Замоийского и Дзялынского на два самостоятельных артикула, имеющих оглавление и порядковую нумерацию.

Из вышеприведенных данных видно, что Фирлеевский список содержит в некоторых разделах меньше артикулов, чем другие списки Первого Стату-та, причём заглавия отдельных его артикулов (II, 1, 8; VI, 9, 19, 24 и др.) отличаются более обширной формулировкой. В самом тексте списка также встречаются более старые выражения (ср. „дата греческая“, начало раздела I), которых уже нет в других списках.

Совокупность вышеуказанных данных ведет к предположению, что Фирлеевский список передает наиболее древний текст Первого Стату-та и тем

²³ В конце указанных разделов Замоийского списка дописано более поздним почерком по одному артикулу

²⁴ В учет не принимаются артикулы, дописанные в конце раздела более поздним почерком.

самым ближе других стоит к подлиннику. Список Замойского занимает промежуточное положение между списками Фирлеевским и Дзялынским. Из этих 3 названных списков последний является наиболее отдаленным от подлинника. Небезынтересно отметить, что текстологические данные об изучаемых списках Первого Статута полностью совпадают с филигранологическими данными, согласно которым наиболее древним является Фирлеевский список, примерно того же времени список Замойского и более позднего происхождения является список Дзялынского.

Поэтому широкий круг исследователей самых различных специальностей вправе ожидать нового научно-критического издания Первого Статута, в основу которого был бы положен один из древнейших его списков – Фирлеевский или Замойского. Кроме того, это издание должно быть академическим, т.е. охватить все ныне известные списки Статута на старобелорусском, польском и латинском языках. Наряду с подлинным текстом Статута необходимо подчеркнуть важность публикации его латинского текста, который дал бы возможность зарубежным исследователям глубже ознакомиться с этим выдающимся памятником права и быстрее ввести его в круг западноевропейских историко-юридических исследований.

Выводы

1. Фирлеевский список писан типичной старобелорусской скорописью XVI в., употреблявшейся в деловой письменности Великого Княжества Литовского.

2. Список возник на пограничных литовско-белорусских землях в год принятия (1529) Первого Литовского Статута или в первые годы его действия.

3. По своему текстовому составу Фирлеевский список относится к спискам краткой редакции Первого Статута и является наиболее близким к его подлиннику.

A COPY OF THE FIRST LITHUANIAN STATUTE OF FIRLEJ

A. BULYKA, V. RAUDELIONAS

Summary

During the years of its validity (1529 – 1564) the First Lithuanian Statute wasn't reprinted and only manuscript copies were spread. 11 copies are known this moment, 4 of which are written in the old Byelorussian language, 3, in Polish, and 4, in Latin. The copy of Firlej together with the copies of Dzialinskij, Zamoiskij and Sluck, made up one group of copies, written in the old Byelorussian language.

The copy of Firlej is preserved in Warsaw in the National library of the Polish People's Republic (sign. — Baw. 952). It is a manuscript book of the quarterly size (20.8 × 15.8 cm) having 266 pages. The manuscript is knitted in (bound) wood covers, covered with even brown leather. The text of the manuscript is written by one author, except for the first 14 pages.

The copy of Firlej is written in the typical Byelorussian quick writing of the second fourth of the 16th c. which in the old Grand Duchy of Lithuania was used for businesslike writing. The copy of Firlej consists of the text of the Statute and the register of titles of its articles. Some of the Chapters of the register have less articles than in the original text of the Statute. Though the copy of the text is exact. some spelling mistakes happen to occur, separate words are omitted at all or their places are changed. Nevertheless, some of the articles of the copies are more clearly formulated and haven't any mistakes, which happen in other copies frequently. The data of paleography, language and philigranalogy show that the copy of Firlej came from the Lithuanian-Byelorussian frontier lands during the years of passing of the First Statute (1529) and its first year of validity. In the 17th c. the copy got to the Ukraine and belonged to clergy or other persons close to clergy. Virtually many researchers couldn't appreciate scientifically the copy of Firlej, because they judged about it not according to the manuscript, but according to the printed publication full of mistakes. According to its text, the copy belongs to the group of the First Statute copies of the short editorship and is closest to its original. Qualities of the copy of Firlej enable to affirm that it should be assumed as a basis for the future edition of the First Statute. Besides, the edition should be academic and include all 11 copies of the Statute known by this time.